

ЧЕРЕЗ БОЛОТА

ДМИТРИЙ ЕВСТАФЬЕВ

Дмитрий Евстафьев

Через болото

«Автор»

2026

Евстафьев Д.

Через болото / Д. Евстафьев — «Автор», 2026

Дима и Рома отправляются в поход по окрестностям Ладожского озера, рассчитывая на обычное испытание на выносливость. Но лес быстро перестаёт быть просто лесом: дорога теряется, вода заканчивается, болота тянут вниз, а каждая случайность начинает походить на предупреждение. Когда на пути появляются странные знаки, ржавая кружка и записки, героям приходится бороться не только с природой, но и с собственным страхом. «Через болота» — это роман о пределе человека, о дружбе, которая держит на плаву, и о следах, которые остаются даже после возвращения домой.

© Евстафьев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Первый день	6
Глава 2. Болото по колено	7
Глава 3. Первый вечер	10
Глава 4. Там, где тропа исчезла	14
Глава 5. Третий день	19
Глава 6. После черты	25
Глава 7. След у входа	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дмитрий Евстафьев

Через болото

Пролог

Мы с Ромой не собирались становиться героями.

Если бы кто-то перед походом сказал мне, что уже на третий день мы будем пить воду из грязной лужи, я бы, наверное, рассмеялся. Сказал бы что-нибудь уверенное, вроде: «Да ладно, мы же не в тайгу на месяц уходим». У нас были рюкзаки, карта, немного еды, обычная уверенность двух людей, которые ещё не знают, насколько быстро природа умеет снимать с человека всю его самоуверенность.

Окрестности Ладожского озера казались красивыми только издали.

На фотографиях там был лес, вода, простор и тишина. В реальности - мокрая земля, вязкие болота, тяжёлый воздух и комары, которые словно ждали нас заранее. Они не просто кусали. Они не давали думать, не давали говорить, не давали остановиться. Стоило замедлиться хотя бы на минуту, как вокруг лица поднимался живой, звенящий рой.

Первый страх пришёл не ночью и не в болоте.

Он вышел нам навстречу у самого входа в лес.

Это была собака.

Она стояла прямо на тропе и смотрела на нас так, будто лес принадлежал ей. Не лаяла без остановки, не бросалась сразу, но в её взгляде было что-то такое, от чего мы с Ромой одновременно остановились.

- Может, обойдём? - сказал Рома.

Я посмотрел вправо. Там начиналась низина, заросшая травой и водой. С виду - просто мокрое место. Но уже через несколько шагов стало понятно: это болото.

Мы не хотели лезть туда. Никто в здравом уме не полез бы туда добровольно. Но собака не отходила, а назад поворачивать в первый же день было стыдно. Тогда нам казалось, что стыд страшнее опасности.

Мы ошибались.

Вода быстро дошла до колен. Под ногами не было твёрдой земли - только что-то мягкое, скользкое, живое. Каждый шаг приходилось вырывать из грязи, будто болото держало нас за ботинки и не хотело отпускать.

- Дим, аккуратнее! - крикнул Рома.

Я хотел ответить, но в этот момент моя нога ушла глубже. Рюкзак потянул назад, тело качнулось, и на секунду мне показалось, что я сейчас просто сяду в эту чёрную воду и уже не смогу подняться.

Рома протянул руку.

Я схватился за неё слишком резко, почти дёрнул его на себя. Мы оба пошатнулись. Болото чавкнуло под нами, будто недовольно тем, что добыча ещё сопротивляется.

Собака осталась где-то позади.

Но настоящий поход начался именно тогда - не когда мы вошли в лес, а когда поняли, что этот лес не обязан нас пропускать.

Глава 1. Первый день

В первый день мы ещё шутили.

Рома говорил, что после похода мы будем рассказывать всем, какие мы суровые путешественники. Я смеялся и отвечал, что главное - сделать пару фотографий, пока мы ещё выглядим как люди, а не как два мокрых мешка с грязью.

Сначала всё действительно было похоже на приключение. Ладожский воздух, высокий лес, узкая тропа, запах хвои и сырой земли. Рюкзак давил на плечи, но терпимо. Ноги уставали, но не слишком. Всё казалось контролируемым.

А потом начались комары.

Они появились не сразу. Сначала один-два возле лица. Потом десятки. Потом уже казалось, что весь воздух состоит из них. Они лезли в глаза, в уши, под рукава, под воротник. Мы махали руками, ускоряли шаг, матерились, смеялись, снова матерились. Но смех быстро закончился.

Самое страшное в комарах было не то, что они кусали.

Самое страшное - они запрещали отдыхать.

Когда ты идёшь с тяжёлым рюкзаком, тебе кажется, что главное спасение - остановиться. Снять груз, сесть на поваленное дерево, выдохнуть, попить воды. Но стоило нам остановиться, как через несколько секунд вокруг становилось невозможно находиться.

Мы шли дальше не потому, что были сильными.

Мы шли, потому что остановиться было хуже.

К вечеру ноги стали тяжёлыми. Одежда промокла от пота и болотной воды. Ботинки хлюпали. Каждый шаг напоминал, что дорога назад теперь не короче дороги вперёд.

Рома шёл впереди и всё чаще молчал. Я видел по его спине, что ему тяжело, но сам не хотел первым это признавать. В походах есть странная мужская глупость: пока один не скажет «я устал», второй тоже делает вид, что всё нормально.

Но нормально уже не было.

Лес вокруг становился гуще. Солнце уходило за деревья, и вместе с темнотой приходило неприятное чувство: мы здесь чужие.

Не гости.

Не туристы.

Чужие.

Глава 2. Болото по колено

Собака не двигалась.

Она стояла на тропе так уверенно, будто весь этот лес, вся мокрая земля под ногами и даже воздух, звенящий от комаров, принадлежали ей. Мы с Ромой замерли в нескольких метрах от неё. Она не бросалась, не рычала громко, не делала ничего такого, что можно было бы назвать прямой атакой. Но иногда страшнее всего именно то, что опасность просто стоит и смотрит.

- Может, она домашняя? - тихо сказал Рома.

- Домашняя собака обычно не встречается тебя посреди леса, - ответил я.

Я сам не знал, зачем сказал это. Наверное, хотелось выглядеть спокойнее, чем я был на самом деле.

Собака сделала шаг вперёд.

Мы оба отступили.

Сзади был путь назад. Простой, понятный, сухой. По нему можно было вернуться, сказать, что маршрут оказался неудачным, придумать какую-нибудь причину, посмеяться над этим через пару дней. Но в тот момент такой вариант казался почти невозможным. Не потому что дороги назад не было. А потому что нам было стыдно признать, что поход закончился, даже не начавшись.

Справа от тропы начиналась низина. Она выглядела не как настоящее болото, а как просто мокрая трава. Такие места обманывают сильнее всего. Смотришь и думаешь: ну что там, пройдем аккуратно, обойдем собаку, вернемся на тропу и пойдём дальше.

Я посмотрел на Рому.

- Обойдем через правую сторону?

Он помолчал, потом кивнул.

- Только быстро.

Мы свернули с тропы.

Первые шаги ещё казались нормальными. Земля пружинила под ботинками, трава была мокрой, но ничего страшного не происходило. Собака осталась слева, на тропе, и проводила нас взглядом. Я даже успел подумать, что мы зря испугались и сейчас просто красиво выйдем из ситуации.

Потом моя нога провалилась почти по щиколотку.

Я резко остановился.

- Нормально? - спросил Рома.

- Да, просто мягко.

Я дёрнул ногу вверх. Ботинок вышел с неприятным чавканьем. Внутри сразу стало холодно и сыро. Вода просочилась через край, носок мгновенно намок.

Ещё через несколько метров стало понятно, что назад возвращаться уже так же неприятно, как идти вперёд. Болото не начиналось резкой границей. Оно затягивало постепенно. Сначала мокрая трава. Потом вода по щиколотку. Потом грязь, из которой приходилось вырывать ноги. Потом вода уже почти до колен.

Рома шёл впереди. Его рюкзак качался из стороны в сторону, и я видел, как он пытается сохранять равновесие. Каждый шаг давался тяжело. Под ногами не было твёрдой опоры. Ты ставишь ногу, думаешь, что сейчас наступишь на землю, а вместо этого проваливаешься в холодную жижу.

- Дим, тут глубже! - крикнул Рома.

Я хотел ответить, но в этот момент сам ушёл правой ногой ниже колена. Болото будто схватило меня. Я потянул ногу вверх, но она не вышла. Рюкзак давил на плечи, тело наклонилось вперёд, и я почувствовал, как начинаю терять равновесие.

В такие моменты страх приходит не красиво, не как в фильмах. Нет времени подумать о жизни, о смысле, о судьбе. В голове только одна короткая мысль:

«Не упади».

Я вцепился рукой в ближайший куст. Ветки оказались тонкими и мокрыми. Они согнулись, но выдержали. Я дёрнул ногу ещё раз. Грязь не отпускала.

- Рома!

Он обернулся.

По его лицу я сразу понял: ему тоже страшно. Не просто неприятно, не просто тяжело. Именно страшно.

Он сделал шаг ко мне и сам чуть не провалился.

- Не дёргайся сильно! - сказал он. - Медленно вытаскивай.

- Да я пытаюсь!

Я злился не на него. На болото, на собаку, на себя, на это глупое решение идти в обход. Но злость не помогала. Чем резче я двигался, тем сильнее грязь держала ботинок.

Рома протянул мне руку.

Я схватился за неё. Слишком резко.

Его качнуло ко мне. На секунду мы оба потеряли равновесие. Рюкзак потянул меня назад, Рома попытался удержаться, вода плеснула в стороны. Мне показалось, что сейчас мы оба рухнем в эту чёрную воду, и тогда выбраться будет уже намного сложнее.

- Тише! - рявкнул Рома. - Не тяни так!

Я замер.

Мы стояли посреди болота, по колено в воде, с мокрыми ногами, тяжёлыми рюкзаками и комарами вокруг лица. Они лезли в глаза, садились на шею, кусали руки. Я хотел отмахнуться, но боялся отпустить Рому.

- На счёт три, - сказал он. - Ты тянешь ногу вверх, я тяну тебя. Только не всем телом, понял?

- Понял.

- Раз.

Я сжал зубы.

- Два.

Болото чавкнуло под другой ногой, будто заранее предупреждая, что отпускать меня не собирается.

- Три!

Я потянул ногу вверх. Рома дёрнул меня на себя. На секунду показалось, что ничего не выходит. Потом грязь резко отпустила ботинок, и я чуть не врезался в Рому.

Мы оба устояли.

Я выдохнул так, будто всё это время не дышал.

- Нормально? - спросил Рома.

- Да.

Это было враньё.

Нормально не было вообще.

Мы пошли дальше медленнее. Уже без шуток. Уже без уверенности. Каждый шаг проверяли осторожно, будто перед нами было минное поле. Вода доходила до колен. Иногда ниже, иногда выше. Под ногами попадались корни, кочки, какие-то скользкие ветки. Они давали надежду на опору, а потом предательски уходили в сторону.

Комары становились невыносимыми.

Я раньше думал, что комары - это просто мелкая неприятность. Ну, кусают. Ну, зудит потом. Но там, в болоте, они были не мелочью. Они превращались в отдельное испытание. Ты не можешь остановиться. Не можешь спокойно подумать. Не можешь вытереть лицо, потому что руки грязные. Не можешь снять рюкзак, потому что поставить его некуда. Не можешь даже нормально пожаловаться, потому что стоит открыть рот - и кажется, что комары залетят внутрь.

- Они меня сожрут, - сказал Рома.

- Главное, чтобы не болото.

Он усмехнулся, но очень коротко.

Собака давно осталась позади. Мы её уже не видели. И от этого становилось даже обидно. Получалось, что вся эта грязь, весь этот обход, вся опасность - из-за нескольких минут страха на тропе. Но тогда я ещё не понимал, что поход часто ломает тебя именно так: не одной большой катастрофой, а цепочкой маленьких решений, каждое из которых кажется разумным.

Мы думали: просто обойдём.

Потом: просто пройдем ещё немного.

Потом: просто дотерпим.

А потом вдруг оказываешься по колено в болоте и уже не можешь честно сказать, где именно всё пошло не так.

- Видишь сухое место? - спросил я.

Рома остановился и посмотрел вперёд.

Впереди была полоска более высокой травы и несколько деревьев. Земля там казалась темнее и плотнее. Может быть, это был выход. Может быть, очередная ловушка.

- Вон туда, - сказал он.

Мы двинулись к деревьям.

Последние метров двадцать оказались самыми тяжёлыми. Когда ты видишь цель, силы почему-то не прибавляются. Наоборот, тело будто понимает, что скоро можно будет остановиться, и начинает разваливаться заранее. Ноги дрожали. Плечи болели от рюкзака. Ботинки стали тяжёлыми от воды и грязи.

Я сделал шаг, потом ещё один. Поднял ногу, поставил на кочку, перенёс вес. Кочка просела, но выдержала. Потом ещё шаг.

Рома первым выбрался на более твёрдую землю. Он скинул рюкзак и сразу начал махать руками перед лицом.

- Давай, Дим, тут уже нормально!

Я хотел ответить, но сил хватило только кивнуть.

Когда я наконец вышел из болота, первое, что почувствовал, была не радость. А пустота. Такое странное состояние, когда ты вроде бы выбрался, но внутри ещё продолжаешь тонуть.

Я снял рюкзак и бросил его на землю. Потом сел рядом, хотя понимал, что сидеть нельзя. Комары сразу облепили руки, шею, лицо. Но мне было всё равно хотя бы несколько секунд. Я смотрел на свои ноги: мокрые штаны, грязные ботинки, вода внутри, липкая трава на шнурках.

Рома стоял рядом и тяжело дышал.

- Хорошее начало похода, - сказал он.

Я усмехнулся.

- Зато не скучно.

Мы оба посмеялись. Тихо, устало, без настоящего веселья. Просто потому, что если не смеяться, то пришлось бы признать: нам действительно было страшно.

Собака осталась где-то позади, на тропе, которую мы так и не прошли.

Но теперь она уже казалась не врагом, а предупреждением.

Лес будто с самого начала сказал нам: «Дальше будет хуже».

А мы всё равно пошли.

Глава 3. Первый вечер

После болота лес стал другим.

Хотя, наверное, изменился не лес, а мы сами. Ещё утром он казался нам местом для приключения: деревья, тропы, свежий воздух, Ладога где-то рядом, впереди несколько дней свободы. Теперь же каждый куст выглядел подозрительно, каждая лужа - глубже, чем казалась, каждая тёмная полоска между деревьями - возможной ловушкой.

Мы шли молча.

Рома двигался впереди, иногда оглядываясь, чтобы проверить, не отстал ли я. Я видел, что он устал, но он держался. Наверное, со стороны я выглядел так же: мокрый, злой, искусанный, но делающий вид, что всё под контролем.

Под контролем не было ничего.

В ботинках хлюпала вода. Каждый шаг сопровождался неприятным холодным ощущением, будто ноги больше не принадлежали мне. Штаны до колен были мокрые и тяжёлые. Грязь засохла на ткани пятнами, но стоило пройти через очередную лужу, как всё снова становилось мокрым.

- Надо найти место для привала, - сказал Рома.

Я посмотрел на него и кивнул.

Сказать это было легко. Найти место - намного сложнее.

В лесу рядом с Ладогой сухое место иногда кажется чем-то вроде мифа. Ты видишь впереди поляну, радуешься, подходишь ближе - а там мокрый мох, лужи, корни, комары и трава по пояс. Видишь поваленное дерево - думаешь, можно сесть, но вокруг него такая сырость, что даже останавливаться неприятно.

Мы пытались сделать короткий привал несколько раз.

Первый раз остановились у старой сосны. Рома снял рюкзак, я достал бутылку воды. Не успел сделать и двух глотков, как вокруг лица поднялся рой. Комары появились мгновенно, будто кто-то подал им знак. Они садились на руки, на шею, на лоб, лезли к глазам. Я махал ладонью, но это помогало только на секунду.

- Да сколько их тут... - Рома резко ударил себя по шее.

- Пошли дальше, - сказал я.

- Мы же только остановились.

- Тут невозможно.

Он ничего не ответил. Просто снова надел рюкзак.

И мы пошли.

Второй раз попробовали остановиться у небольшого пригорка. Там было чуть суше, но комаров стало ещё больше. Я хотел достать еду, но не смог нормально открыть упаковку: руки были грязные, пальцы скользили, а комары облепляли лицо так, что хотелось просто бежать.

Именно тогда я впервые понял, что комары - это не мелочь.

До этого я воспринимал их как раздражение. Как что-то неприятное, но обычное. Но там они стали частью леса, его голосом, его наказанием за каждую остановку. Они не давали восстановиться. Не давали подумать. Не давали быть человеком. Ты превращался в существо, которое должно двигаться, махать руками и терпеть.

- Нам надо хотя бы поесть, - сказал Рома.

- Знаю.

- Тогда давай быстро.

Мы встали прямо на тропе. Даже не сняли рюкзаки полностью, просто приспустили их с плеч. Я достал что-то из еды, уже даже не помню что именно. Вкус почти не чувствовался.

Когда ты устал, мокрый и искусанный, еда перестаёт быть удовольствием. Она становится просто топливом, которое надо закинуть в себя, чтобы не упасть.

Рома ел молча. Потом посмотрел на бутылку в моей руке.

- С водой надо аккуратнее.

Я кивнул.

В тот момент эта фраза прозвучала как обычное предупреждение. Просто разумная мысль: не пить слишком много, впереди ещё путь. Мы оба понимали, что вода не бесконечная, но никто из нас тогда ещё не думал, насколько страшной станет эта проблема.

На первый день воды пока хватало.

Поэтому жажда ещё не пугала.

Пугали ноги.

Пугала сырость.

Пугала мысль, что если первый день такой, то что будет дальше.

Мы пошли дальше, пока лес постепенно темнел. Солнце не исчезло сразу - оно просто стало слабее. Свет просачивался между деревьями тусклыми полосами, всё вокруг приобретало серо-зелёный оттенок. Где-то далеко кричала птица. Под ногами трещали ветки, чавкала грязь, иногда плескалась вода.

Я начал считать шаги.

Не специально. Просто мозгу нужно было за что-то зацепиться. Раз, два, три, четыре. Перешагнуть корень. Обойти лужу. Не наступить в тёмное место. Снова раз, два, три, четыре.

- Дим, - сказал Рома.

- Что?

- У тебя тоже ощущение, что мы очень медленно идём?

Я посмотрел вперёд. Тропа уходила между деревьями и будто не менялась. Лес был одинаковым: сосны, кусты, мокрая земля, комары. Можно было идти час и чувствовать, что ты остался на месте.

- Есть такое, - ответил я.

- Бесит.

- Очень.

Мы снова замолчали.

Когда силы заканчиваются, разговоры становятся роскошью. Каждое слово требует энергии. Надо вдохнуть, сформулировать мысль, произнести её, дождаться ответа. Проще молчать. Проще идти и делать вид, что ты просто сосредоточен.

Но внутри молчания копится напряжение.

Я начал злиться на всё подряд. На рюкзак. На мокрые ботинки. На собаку, из-за которой мы влезли в болото. На комаров. На карту. На себя. Даже на Рому, хотя он не сделал ничего плохого. Просто когда тебе тяжело, рядом идущий человек иногда становится напоминанием о том, что ты не можешь сдать первым.

Наверное, он думал примерно то же самое.

- Надо искать место для ночёвки, - сказал он наконец.

Я посмотрел на небо. Между верхушками деревьев оно уже темнело.

- Да.

Теперь мы шли не вперёд, а в поиске места, где можно было бы пережить ночь. Это странное ощущение: ты не выбираешь хороший вариант, ты ищешь хоть какой-нибудь. Не красивую поляну, не удобный лагерь, не вид на озеро. Просто кусок земли, где можно поставить палатку и не утонуть в грязи.

Через некоторое время мы нашли небольшое место между деревьями. Оно было не идеальным. Земля неровная, вокруг кусты, рядом влажная низина. Но по сравнению со всем, что мы видели до этого, место казалось почти подарком.

- Тут? - спросил Рома.

Я посмотрел по сторонам.

Комары уже кружили вокруг нас плотным облаком.

- Тут.

Мы скинули рюкзаки.

И в ту же секунду лес набросился на нас.

Пока мы шли, комары хотя бы отставали на мгновение. Стоило остановиться - они облепили нас полностью. Я доставал палатку, хлопая себя по рукам, по лицу, по шее. Рома пытался разложить дуги, но постоянно сбивался, потому что приходилось отмахиваться.

- Быстрее, - сказал я.

- Да я и так быстро!

- Они сейчас меня просто унесут.

- Меня первого.

В другой ситуации это было бы смешно. Но тогда мы говорили почти без улыбки. Раздражение нарастало. Палатка не хотела нормально раскладываться. Дуги цеплялись, ткань падала, колышки плохо входили в землю. Руки дрожали от усталости и злости.

Я резко потянул ткань на себя.

- Не так! - сказал Рома.

- А как?

- Дай сюда.

- Да я сам могу.

- Дим, дай сюда, говорю.

На секунду мы оба замерли.

Это был первый момент, когда между нами появилась настоящая трещина. Не ссора, не конфликт, но что-то близкое. Усталость превращает любые слова в удар. Даже обычное «дай сюда» звучит как обвинение.

Я отпустил ткань.

- Делай.

Рома ничего не сказал. Просто взял палатку и начал поправлять.

Мне сразу стало стыдно. Он не виноват. Я тоже не виноват. Мы просто устали. Но в походе это слабое оправдание. Там нет места красивым объяснениям. Там есть мокрая земля, темнеющий лес и комары, которые не дают тебе быть спокойным человеком.

Через несколько минут палатка наконец стояла.

Кривая, неидеальная, но стояла.

Мы почти заползли внутрь.

Когда молния закрылась, звук комаров снаружи стал другим. Они больше не были прямо на лице, но их писк остался рядом. Тонкий, злой, постоянный. Они бились о ткань, искали щели, кружили вокруг, будто не могли смириться с тем, что мы всё-таки спрятались.

Внутри было тесно и душно. Пахло мокрой одеждой, грязью, потом и усталостью. Мы сняли ботинки. Носки были мокрые, ноги белые и сморщенные от воды. Я посмотрел на них и почему-то почувствовал не боль, а отвращение. К себе, к походу, ко всему этому дню.

Рома лёг на спину и закрыл глаза.

- Первый день, - сказал он.

Я усмехнулся.

- А ощущение, будто неделя прошла.

Он тихо засмеялся.

Потом снова стало тихо.

Я лежал и слушал лес. Снаружи звенели комары. Где-то трещали ветки. Иногда ветер шевелил верхушки деревьев, и палатка чуть вздрагивала. Земля под спиной была неровной, через коврик чувствовались корни. Тело болело так, будто меня весь день били.

Но больше всего болели мысли.

Я думал о том, что мы могли повернуть назад ещё у собаки.

Могли не лезть в болото.

Могли выбрать другой маршрут.

Могли вообще остаться дома.

Но теперь всё это было бессмысленно. Прошлые решения нельзя отменить. Их можно только тащить за собой, как мокрый рюкзак.

- Дим, - тихо сказал Рома.

- А?

- Завтра будет легче?

Я хотел ответить уверенно. Хотел сказать: конечно, сегодня просто начало, завтра втянемся, просохнем, пойдём нормально.

Но я не смог.

- Не знаю, - сказал я честно.

Рома молчал несколько секунд.

- Понял.

После этого мы долго не разговаривали.

Я пытался уснуть, но сон не приходил. В голове снова и снова всплывало болото: как нога уходит вниз, как грязь держит ботинок, как Рома тянет меня за руку, как мы оба чуть не падаем. Я вспоминал взгляд собаки. Вспоминал, как легко утром всё казалось.

Где-то в темноте за тканью палатки пищали комары.

Они будто повторяли одно и то же:

«Вы ещё только начали».

И самое страшное было в том, что они были правы.

Глава 4. Там, где тропа исчезла

Утро не принесло облегчения.

Обычно после тяжёлого дня кажется, что сон должен всё исправить. Тело отдохнёт, мысли станут яснее, вчерашние страхи покажутся преувеличенными. Но в ту ночь мы почти не спали. Сон приходил короткими провалами: на несколько минут, может быть, на полчаса. Потом я снова открывал глаза и слышал одно и то же - тонкий писк за стенкой палатки.

Комары не исчезли даже ночью.

Они ждали.

Когда утром мы расстегнули палатку, они сразу ворвались внутрь, будто всё это время стояли у входа. Я выругался, Рома резко сел и начал махать руками.

- Доброе утро, - сказал он хрипло.

- Очень доброе.

Мы вылезли наружу.

Лес был мокрым. Не после дождя - дождя вроде не было. Просто всё вокруг казалось пропитанным водой: трава, мох, стволы деревьев, воздух. Одежда, которую мы надеялись хоть немного подсушить, осталась влажной. Ботинки внутри были холодными. Надевать их было неприятно почти физически, будто добровольно опускаешь ноги обратно в болото.

Я долго смотрел на свои носки.

- Не думай, - сказал Рома. - Просто надевай.

Он был прав.

В походе иногда нельзя думать. Мысль делает простые действия невыносимыми. Пока ты рассуждаешь, насколько тебе будет холодно, мерзко и больно, ты теряешь силы ещё до того, как что-то сделал.

Я натянул мокрые носки, потом ботинки.

Первый шаг был самым противным. Второй - чуть легче. На третьем тело смирилось.

Мы быстро собрали палатку. Завтракали почти стоя: комары снова не давали нормально остановиться. Еда казалась сухой и безвкусной. Вода из бутылок уходила быстрее, чем хотелось признавать.

Рома взял свою бутылку, покачал её и посмотрел на свет.

- Надо экономить.

Я кивнул.

- Да.

Мы уже говорили это вчера, но утром второго дня фраза прозвучала иначе. Вчера вода была просто ресурсом. Сегодня она стала временем. Сколько осталось воды - столько у нас оставалось спокойствия.

Мы сверились с картой.

На ней всё выглядело просто: лесной участок, потом тропа, потом выход к более открытой местности. Линии на экране были ровные и понятные. Но карта не показывала вязкую землю, мокрые ноги, комаров, поваленные деревья и то странное чувство, что местность вокруг не совсем совпадает с тем, что должно быть.

- Мы должны выйти сюда, - сказал Рома, показывая на участок маршрута.

- Сколько идти?

- Если нормально - несколько часов.

Я посмотрел на лес.

Нормально здесь не было ничего.

Мы двинулись.

Сначала тропа ещё угадывалась. Узкая, заросшая, но настоящая. Иногда она пропадала под травой, потом снова появлялась. Мы шли осторожно, стараясь не наступать в слишком тёмные места. После вчерашнего болота каждый участок земли казался подозрительным.

Через час тропа стала хуже.

Через два - почти исчезла.

Она не оборвалась резко. Просто постепенно растворилась в лесу, как будто её никогда и не было. Сначала мы решили, что немного сбились. Потом прошли вперёд, вернулись, свернули карту, снова прошли в сторону. Но чем больше мы ходили, тем меньше понимали, где находимся.

- Она должна быть здесь, - сказал Рома.

Он смотрел в телефон так, будто карта была виновата лично перед ним.

- Может, левее?

- Мы уже ходили левее.

- Тогда правее.

- И правее тоже.

Я не ответил.

Мы стояли среди деревьев. Вокруг была высокая трава, мокрые кусты, редкие сосны и низкие участки, где блестела вода. Комары звенели над лицом. Где-то далеко, очень далеко, будто шумела Ладога. А может, это был ветер.

- Давай ещё раз по направлению, - сказал Рома.

Мы пошли.

Через несколько минут я заметил на земле след.

Сначала подумал, что это просто вмятина в грязи. Потом остановился и присмотрелся. След был похож на собачий. Не очень чёткий, расплывшийся от воды, но всё равно узнаваемый.

- Ром.

Он обернулся.

- Что?

Я показал вниз.

Он подошёл, посмотрел и нахмурился.

- Ну, собаки тут бывают.

- В лесу?

- Дим, мы вчера одну видели.

- Вот именно.

Рома ничего не сказал.

Мы оба подумали об одном и том же, но никто не произнёс это вслух. След мог быть старым. Мог принадлежать другой собаке. Мог вообще оказаться не собачьим. В лесу легко увидеть знак там, где его нет.

Но после вчерашнего мне почему-то стало не по себе.

Собака у входа в лес не лаяла как обычная собака. Она стояла. Ждала. Смотрела. И теперь, когда тропа исчезла, а под ногами снова появилась грязь, её след казался не случайностью, а продолжением чего-то, что началось ещё вчера.

- Пойдём, - сказал Рома.

Мы пошли дальше.

Чем дальше мы двигались, тем сильнее становилось ощущение, что лес повторяется. Одни и те же стволы. Одни и те же кусты. Одна и та же мокрая трава. Один и тот же глухой зелёный свет вокруг. Я понимал, что это просто усталость, что мозг ищет закономерности, что в лесу всё действительно похоже. Но от понимания легче не становилось.

Через некоторое время мы вышли к поваленному дереву.

Я остановился.

- Мы здесь уже были?

Рома посмотрел на дерево.

- Не знаю.

- Похоже на то, которое мы обходили минут двадцать назад.

- Все поваленные деревья похожи.

Он сказал это слишком быстро.

Значит, тоже сомневался.

Мы обошли дерево. Под ним была чёрная вода. Над водой висела паутина, на которой дрожали мелкие капли. Я зачем-то запомнил эту паутину. Иногда в тяжёлые моменты взгляд цепляется за совершенно ненужные детали, будто хочет доказать: всё реально, ты здесь, это происходит.

Вдруг Рома остановился.

- Слышал?

Я замер.

Сначала был только писк комаров и наше дыхание. Потом где-то слева хрустнула ветка.

Один раз.

Потом второй.

Не громко. Не резко. Но достаточно ясно, чтобы понять: это не ветер.

- Может, зверь, - сказал я.

- Может.

Мы стояли и слушали.

Больше ничего не было.

Никакого рычания, шагов, движения. Только лес, который снова стал неподвижным. Но эта неподвижность теперь казалась не спокойной, а настороженной. Как будто кто-то тоже остановился и ждал, пока мы пойдём дальше.

- Не будем стоять, - сказал Рома.

И мы снова пошли.

Я старался не смотреть влево.

С каждым часом рюкзак становился тяжелее. Плечи ныли, поясница болела, ноги в мокрых ботинках начинали натираться. Мы пили маленькими глотками, но жажда всё равно возвращалась быстро. Воздух был влажным, тяжёлым, но во рту почему-то пересыхало.

К середине дня мы нашли небольшой ручей.

Точнее, сначала нам показалось, что это ручей. Узкая полоска воды между кочками, почти неподвижная, мутная, с рыжеватым оттенком. Вода была не такой, какую хочется пить. Но она была водой.

Рома присел рядом.

- Думаешь, можно?

Я посмотрел на эту тонкую грязную жилу.

- Лучше пока не надо.

У нас ещё оставалась своя вода.

Немного, но оставалась.

И именно поэтому мы прошли мимо.

Потом я часто вспоминал этот момент. Не потому что он был самым страшным. Наоборот, он был тихим. Обычное решение: не пить мутную воду, пока есть чистая. Разумное, правильное.

Но иногда правильные решения становятся ошибками просто потому, что ты не знаешь будущего.

Мы пошли дальше.

Тропа так и не появилась.

Карта показывала, что мы движемся. Но лес вокруг не менялся. Иногда казалось, что точка на экране живёт своей жизнью, а мы - своей. Она уверенно ползла вперёд, обещая, что всё идёт по плану. А мы проваливались в мох, обходили лужи, сдирали кожу о ветки и всё чаще молчали.

- У тебя сколько воды? - спросил Рома ближе к вечеру.

Я достал бутылку.

На дне оставалось меньше половины.

Рома показал свою. Там было примерно столько же.

Мы посмотрели друг на друга.

Никто не сказал ничего страшного. Никто не произнёс: «А если не хватит?» Но эта мысль уже стояла между нами. Третьим человеком. Молчаливым, терпеливым, уверенным.

К вечеру мы нашли место для ночёвки хуже вчерашнего.

Земля была чуть суше, но рядом стояла вода. Не озеро, не ручей - просто большая тёмная лужа между деревьями. Она отражала небо и верхушки сосен. От неё пахло болотом.

- Тут? - спросил я.

Рома устало посмотрел вокруг.

- А есть выбор?

Выбора не было.

Мы поставили палатку быстрее, чем вчера. Не потому что стало легче, а потому что мы уже знали: чем дольше возишься, тем больше лес забирает у тебя сил. Комары облепили нас сразу. Мы ругались, махали руками, спешили, путались в дугах, но всё-таки справились.

Когда забрались внутрь, я вдруг заметил странную вещь.

На ткани палатки снаружи что-то скользнуло.

Тень.

Может быть, ветка качнулась на ветру. Может быть, крупная птица пролетела низко. Может быть, мне просто показалось от усталости. Я резко повернул голову.

- Что? - спросил Рома.

- Ничего.

- Точно?

Я прислушался.

Снаружи был только писк комаров и редкие звуки леса.

- Да. Показалось.

Рома лёг, не раздеваясь полностью. Я сделал последний глоток воды и закрутил бутылку. Хотел оставить ещё на утро. Получилось мало.

Очень мало.

В темноте палатки мы долго молчали.

Потом Рома сказал:

- Дим.

- Что?

- Если завтра не выйдем к нормальной воде, будет плохо.

Я смотрел в потолок палатки.

- Выйдем.

Я сказал это уверенно.

Слишком уверенно.

Иногда человек говорит уверенно не потому, что верит. А потому, что рядом есть кто-то, кому страшно услышать правду.

Снаружи снова хрустнула ветка.

Мы оба замолчали.

Хруст был далеко. Или близко. В лесу ночью расстояния путаются. Звук мог прийти откуда угодно. Я лежал и смотрел в темноту, хотя видеть было нечего.

Потом что-то тихо прошло рядом с палаткой.

Не прямо у входа. Чуть дальше. По мокрой траве.

Шаг.

Пауза.

Ещё шаг.

Рома не двинулся.

Я понял, что он тоже слышит.

Мы не говорили. Не дышали громко. Просто лежали и слушали, как что-то медленно удаляется в сторону той самой тёмной лужи.

Потом всё стихло.

Прошло, наверное, несколько минут, прежде чем Рома тихо спросил:

- Это было животное?

Я хотел сказать «да».

Очень хотел.

Но почему-то не сказал.

- Наверное, - ответил я.

И это «наверное» осталось висеть в палатке до самого утра.

Глава 5. Третий день

Утром я проснулся от тишины.

Не от холода, не от боли в спине, не от комаров. Именно от тишины. Она была странной, почти неправильной. После двух дней постоянного звона вокруг лица, после ночного писка за стенкой палатки отсутствие звука казалось не облегчением, а предупреждением.

Я открыл глаза.

В палатке было серо. Рома лежал рядом, повернувшись к стенке. Он не спал. Я понял это по дыханию - слишком ровному, слишком осторожному, как у человека, который давно проснулся, но не хочет первым начинать день.

- Ты тоже не спишь? - спросил я.

Он не сразу ответил.

- Угу.

Снаружи ничего не двигалось.

Я прислушался. Ни ветра, ни птиц, ни привычного комариного звона. Даже лес будто задержал дыхание.

- Комаров нет, - сказал я.

Рома повернулся ко мне.

- Вот это и странно.

Мы ещё немного лежали молча.

В обычной ситуации отсутствие комаров было бы счастьем. Можно спокойно вылезти из палатки, умыться, поесть, собрать вещи без спешки. Но после вчерашней ночи, после шагов за палаткой и хруста веток, эта тишина не выглядела подарком. Она была похожа на паузу перед чем-то.

Я расстегнул вход.

Снаружи нас встретил влажный холодный воздух. Лес стоял неподвижно. Сосны уходили вверх тёмными стволами, трава блестела от влаги, рядом темнела большая лужа. Та самая, возле которой мы вчера поставили палатку.

Я посмотрел на землю.

Следов не было.

Или я просто не умел их видеть.

- Ну что там? - спросил Рома.

- Ничего.

Он выбрался наружу следом за мной и тоже посмотрел в сторону лужи.

- Ничего, - повторил он.

Но сказал это так, будто хотел убедить не меня, а себя.

Мы начали собираться.

Комары вернулись минут через десять. Сначала один сел мне на руку, потом ещё несколько закружили возле лица, а потом всё стало как обычно. Лес словно вспомнил, что должен нас мучить. Мы даже почти обрадовались этому, потому что привычная мерзость была лучше непонятной тишины.

Завтракали мало.

Не потому что еды почти не осталось. Еда ещё была. Проблема была в воде.

Я достал бутылку и посмотрел на дно. Там оставалось несколько глотков. Совсем немного. Рома молча показал свою - у него было не лучше.

- Надо растянуть, - сказал он.

- До нормального источника?

- До чего угодно нормального.

Слово «нормального» прозвучало особенно тяжело.

Вчера мы прошли мимо мутной воды, потому что у нас ещё была чистая. Сегодня это решение уже не казалось таким уверенным. Я вспомнил ту тонкую грязную жилу между кочками и поймал себя на мысли, что сейчас был бы рад даже ей.

Мы сделали по маленькому глотку.

Я специально держал воду во рту чуть дольше, прежде чем проглотить. Хотел обмануть жажду, растянуть ощущение. Но это не помогло. Наоборот, после глотка пить захотелось ещё сильнее.

Рома закрутил бутылку.

- Всё. Остальное на потом.

Мы собрали палатку и пошли.

Третий день начался без слов.

Первые часы мы двигались медленно. Тропа так и не нашлась. Карта всё ещё показывала направление, но доверия к ней стало меньше. Она была слишком спокойной. На экране всё выглядело просто: точка, линия, расстояние. В реальности - мокрая трава, болото, кусты, корни, провалы, комары и тяжесть в ногах.

Иногда мне казалось, что карта не врёт, просто показывает мир, которого здесь больше нет.

Может быть, тропа когда-то действительно была. Может быть, по ней ходили люди, оставляли следы, ставили метки, уверенно проходили между деревьями. А потом лес забрал её обратно. Зарос травой, залил водой, скрыл под мхом. И теперь мы шли не по маршруту, а по памяти о маршруте.

Жажда становилась заметнее с каждым часом.

Сначала это просто сухость во рту. Потом язык начинает липнуть к нёбу. Потом ты всё чаще думаешь о бутылке в рюкзаке. Потом уже не можешь не думать. Вода превращается в главное слово, хотя никто его не произносит.

- Сколько осталось? - спросил я.

Рома остановился и посмотрел на меня.

- Ты же знаешь.

Я знал.

Но всё равно хотел услышать.

Мы не стали доставать бутылки. Это было бы слишком честно.

Пошли дальше.

К полудню солнце поднялось выше, хотя в лесу его почти не было видно. Воздух стал тяжелее. Одежда липла к телу. Мокрые ботинки натирали ноги. Я чувствовал, как на пятке появляется боль, но останавливаться, чтобы разобраться, не хотелось. Любая остановка означала комаров. Любая остановка означала признать, что нам плохо.

А нам было плохо.

Рома шёл впереди, но уже не так уверенно. Иногда он останавливался, смотрел по сторонам, сверялся с телефоном, потом выбирал направление. Я видел, что он старается. Видел, что он не хочет показывать сомнение. Но его плечи говорили больше, чем лицо.

- Ром, - сказал я.

- А?

- Мы точно туда идём?

Он не обернулся сразу.

Вот эта пауза была хуже любого ответа.

- По карте - да.

- А по ощущениям?

Он повернулся ко мне.

- А по ощущениям я хочу домой.

Я неожиданно засмеялся.

Не потому что было смешно. Просто это была первая честная фраза за долгое время. Без героизма, без «нормально», без «дойдём». Просто: хочу домой.

- Я тоже, - сказал я.

Мы постояли несколько секунд и пошли дальше.

Через некоторое время земля начала уходить вниз. Сначала незаметно, потом сильнее. Между деревьями появились блестящие участки воды. Лес становился ниже, сырее, темнее. Воздух пах болотом.

- Не нравится мне это, - сказал Рома.

- Мне тоже.

Но выбора опять не было.

Мы пытались обойти низину, но она тянулась в обе стороны. Тогда пошли вдоль неё, надеясь найти место, где можно перейти. Комары здесь стали особенно злыми. Их было столько, что перед глазами постоянно мельтешили чёрные точки. Я натянул рукава ниже, поднял воротник, но они всё равно находили кожу.

Вода под ногами появилась внезапно.

Шаг - сухо.

Следующий - хлюп.

Ещё один - уже по щиколотку.

Мы остановились.

Впереди была цепочка луж и болотных окон. Небольших, но частых. Трава между ними казалась проходимой. Казалась.

- Надо аккуратно, - сказал Рома.

Я посмотрел на воду.

Она была тёмная, почти чёрная. На поверхности плавали листья, мелкие ветки, зелёная плёнка. В некоторых местах вода отражала небо, и от этого казалась глубже.

- Через это? - спросил я.

- А куда ещё?

Я не ответил.

Мы пошли.

Каждый шаг приходилось выбирать. Ставить ногу на кочку, переносить вес, проверять, выдержит ли. Иногда кочка держала. Иногда уходила вниз, и вода заливала ботинок. Иногда под травой оказывалась пустота.

На середине низины Рома вдруг остановился.

- Дим.

Я подошёл ближе.

Он смотрел на одну из луж. Она была чуть светлее остальных. Вода в ней не выглядела чистой, но и не была совсем чёрной. Просто мутная, с песком, листьями и следами наших же шагов рядом.

Я понял, о чём он думает, ещё до того, как он сказал.

- У нас почти нет воды.

Я молчал.

- Если мы сейчас не найдём ручей, дальше будет хуже.

- Это лужа, Ром.

- Я вижу.

- Мы через такие переходим.

- Я тоже это вижу.

Мы стояли над этой водой и смотрели на неё так, будто она могла сама решить за нас.

В голове боролись две мысли.

Первая: нельзя пить из лужи. Это грязь, болото, неизвестно что там.

Вторая: пить хочется сейчас.

Не потом. Не вечером. Не когда найдём нормальный источник. Сейчас.

Я достал свою бутылку. На дне плескалось совсем немного. Я открутил крышку и сделал маленький глоток. Последний. Вода прошла по горлу слишком быстро и исчезла, оставив после себя только ещё большую пустоту.

Рома смотрел на меня.

- Всё? - спросил он.

Я перевернул бутылку.

Несколько капель упали на землю.

- Всё.

Он достал свою. У него оставался глоток. Он не стал пить. Просто держал бутылку в руке.

- Может, оставь, - сказал я.

- На что?

Я не нашёл ответа.

Он выпил.

Потом мы оба снова посмотрели на лужу.

Комары звенели вокруг лица. Ноги стояли в мокрой траве. Рюкзак тянул плечи вниз. Где-то далеко шумела вода - или мне только казалось. Иногда, когда очень хочешь услышать что-то, мозг сам придумывает звук.

- Надо хотя бы профильтровать через ткань, - сказал Рома.

Мы достали кусок ткани. Не идеальный фильтр, не спасение, просто попытка сделать вид, что мы контролируем ситуацию. Набрали воду осторожно, стараясь не зачерпнуть со дна. Но дно всё равно поднялось мутью. Вода прошла через ткань медленно, оставив на ней грязные разводы.

В бутылке она выглядела ужасно.

Жёлто-серая, с мелкими частицами, которые всё равно плавали внутри.

Я смотрел на неё и думал о том, как быстро меняются стандарты человека.

Дома я мог отказаться от воды, если она была чуть тёплой.

Здесь я держал в руках болотную жижу и пытался убедить себя, что всё нормально.

- Кипятить бы, - сказал я.

- Да.

- Но стоять здесь нельзя.

- Да.

Мы оба понимали: развести огонь, достать всё, ждать - это время. Это комары. Это силы.

И ещё не факт, что получится нормально.

Рома поднял бутылку.

- Немного.

Я хотел сказать «не надо».

Но не сказал.

Потому что сам хотел пить.

Он сделал маленький глоток. Сморщился, но проглотил.

- Ну? - спросил я.

- Вкус как у болота.

- Удивительно.

Он протянул бутылку мне.

Я взял её.

Вода пахла землёй, травой и чем-то стоячим. Я поднёс горлышко к губам и замер. В этот момент почему-то вспомнилась собака. Как она стояла на тропе в первый день. Как не пускала нас. Как из-за неё мы свернули в болото.

И вдруг мне показалось, что всё это было не случайной цепочкой событий, а дорогой, которую кто-то заранее выложил перед нами.

Собака.

Болото.

Исчезнувшая тропа.

Ночные шаги.

Лужа, из которой мы теперь должны пить.

Я отогнал эту мысль.

Усталость делает человека суеверным.

Я сделал глоток.

Тело приняло воду раньше, чем разум успел возмутиться. Горло сжалось, желудок неприятно отозвался, но жажда на несколько секунд отступила. Не исчезла, нет. Просто отступила на шаг, как зверь, который решил пока не нападать.

Я вернул бутылку Роме.

Мы не сказали друг другу ничего.

Некоторые вещи лучше не обсуждать сразу. Пока ты молчишь, можно притвориться, что всё ещё не так плохо. Что это просто неприятный эпизод. Что потом мы будем вспоминать его как дикость и смеяться.

Но смеха не было.

Мы стояли посреди болотной низины, с пустыми бутылками и грязной водой, которую только что пили.

И оба понимали: поход перешёл какую-то черту.

До этого мы терпели.

Теперь мы начали уступать.

Не лесу даже.

Себе.

Мы набрали ещё немного воды. Не много - ровно столько, чтобы не умереть от мысли, что впереди совсем ничего нет. Потом пошли дальше.

После лужи мир стал тише.

Комары всё ещё были. Болото всё ещё чавкало под ногами. Рюкзак всё ещё давил. Но внутри что-то изменилось. Я шёл и чувствовал во рту привкус земли. Он не проходил. Казалось, что вместе с этой водой я проглотил часть самого болота, и теперь оно было уже не только снаружи, но и внутри меня.

Рома долго молчал.

Потом сказал:

- Только никому не рассказывай, как мы из лужи пили.

Я посмотрел на него.

- Почему?

Он пожал плечами.

- Не знаю. Стыдно как-то.

Я хотел согласиться.

Но потом сказал:

- Наоборот. Это надо рассказать.

- Зачем?

Я посмотрел на мокрую траву впереди.

- Чтобы самому поверить, что это было.

Рома ничего не ответил.

Мы шли ещё долго. Низина никак не заканчивалась. Иногда земля становилась твёрже, мы радовались, но через несколько минут снова проваливались в мокрый мох. Один раз я услышал позади плеск и резко обернулся.

Никого.

Только лужа, трава и круги на воде.

- Что там? - спросил Рома.

- Ничего.

Я сказал это слишком быстро.

Он посмотрел на меня, потом назад. Круги на воде уже исчезли.

- Пойдём, - сказал он.

Мы пошли.

Но после этого я всё чаще оглядывался.

Не потому что действительно видел что-то.

А потому что иногда самое страшное - это не то, что идёт за тобой.

А то, что ты начинаешь ждать, когда оно появится.

Глава 6. После черты

После того как мы выпили из лужи, день будто потерял форму.

До этого всё ещё можно было делить путь на понятные части: утро, привал, болото, поиск тропы, вечер. После лужи всё смешалось. Время стало вязким, как земля под ногами. Минуты тянулись долго, часы исчезали незаметно. Мы шли, останавливались, снова шли, но я уже не мог точно сказать, сколько прошло с того момента, как я сделал первый глоток болотной воды.

Во рту оставался привкус земли.

Я пытался сглотнуть, но становилось только хуже. Казалось, что эта мутная вода осела где-то внутри и теперь напоминает о себе при каждом вдохе. От неё не тошнило по-настоящему, но тело словно не понимало, что с ним сделали.

Рома шёл впереди.

Он почти не разговаривал. Иногда поправлял рюкзак, иногда сверялся с телефоном, иногда просто останавливался и смотрел вперёд так, будто надеялся увидеть там что-то, что сразу всё исправит: нормальную тропу, сухую дорогу, людей, чистый ручей, выход из леса.

Но впереди был только лес.

Один и тот же.

Мокрый, тёмный, равнодушный.

- Как живот? - спросил я.

Рома не сразу ответил.

- Нормально.

- Точно?

- Дим, если станет ненормально, ты узнаешь.

Я хотел пошутить, но не смог. Сил на шутки уже почти не оставалось.

Через несколько минут он сам спросил:

- А у тебя?

- Терпимо.

Это было наше новое слово.

Не хорошо.

Не нормально.

Терпимо.

В походе это слово быстро становится главным. Оно заменяет всё. Болит нога? Терпимо. Холодно? Терпимо. Хочется пить? Терпимо. Страшно? Терпимо. До тех пор пока человек может сказать «терпимо», он как будто обязан идти дальше.

Даже если на самом деле уже давно не терпимо.

Мы выбрались из низины ближе к вечеру. Земля стала плотнее, деревья - выше, а вода под ногами наконец исчезла. Но радости не было. После болота сухая земля ощущалась не победой, а короткой передышкой. Мы уже знали, что лес умеет возвращать долги.

Комары снова не давали остановиться.

Я раньше думал, что к ним можно привыкнуть. Оказалось - нельзя. Можно только устать настолько, что перестаёшь реагировать на каждый укус. Они садились на руки, на шею, на лицо. Иногда я машинально хлопал ладонью по коже и видел на пальцах кровь. Свою или их - уже неважно.

- Надо найти место, где меньше комаров, - сказал Рома.

- Такое существует?

- Должно.

- Мне кажется, они здесь главные.

Рома усмехнулся.

- Тогда мы нарушили их территорию.

Я посмотрел по сторонам.

- Похоже на то.

Слова прозвучали почти в шутку, но после них стало неприятно. «Нарушили территорию» - слишком точно. С первого дня было ощущение, что нас сюда не звали. Собака на тропе, болото, исчезнувшая дорога, ночные шаги, лужа. Всё это можно было объяснить отдельно. Но вместе оно складывалось в цепочку, которую не хотелось рассматривать слишком внимательно.

Я попытался отогнать эти мысли.

Лес не может что-то хотеть.

Лес не может предупреждать.

Лес не может проверять людей.

Но когда ты третий день мокрый, голодный, искусанный и пьёшь из лужи, разум перестаёт быть таким уверенным.

- Смотри, - сказал Рома.

Он остановился у дерева.

На стволе была отметина. Неглубокая царапина на коре, будто кто-то провёл ножом или острым камнем. Одна короткая линия. Ниже - ещё одна, почти параллельная.

- Туристская метка? - спросил я.

- Не знаю.

Рома провёл пальцем по коре.

- Свежая?

- Да кто её знает.

Мы оба смотрели на эти две царапины слишком долго.

В обычном лесу такая мелочь ничего бы не значила. Кто-то мог оставить отметку. Ветка могла содрать кору. Животное могло задеть дерево. Но здесь любая деталь становилась знаком, потому что нам отчаянно хотелось понять, куда идти.

- Может, тут кто-то проходил, - сказал я.

- Или мы сами.

- Мы не были здесь.

Рома посмотрел на меня.

- Ты уверен?

Я хотел ответить сразу.

Да, уверен.

Но не ответил.

Потому что лес всё больше становился похожим на место, где уверенность стоит слишком дорого.

Мы пошли дальше, ориентируясь по направлению, которое показывал телефон. Батарея садилась. Связи почти не было. Иногда появлялась одна слабая полоска, потом исчезала. Я несколько раз поднимал телефон выше, будто это могло помочь, но экран оставался почти бесполезным.

- Сколько зарядки? - спросил Рома.

- Двадцать с чем-то.

- У меня меньше.

- Пауэрбанк?

- Остался, но не полный.

Мы замолчали.

Проблемы начинали накладываться друг на друга. Не так страшно, когда одна беда. Можно думать только о ней. Но когда одновременно кончается вода, садится телефон, болят

ноги, мокрые вещи не сохнут, тропа пропадает, а лес вокруг повторяется, мозг уже не успевает раскладывать всё по полкам. Он просто подаёт общий сигнал:

плохо.

Очень плохо.

К вечеру мы вышли на небольшое открытое место. Не поляна в обычном смысле - скорее участок, где деревья расступались, а земля под ногами была покрыта низким мхом и редкой травой. Слева стояли несколько старых сосен. Справа снова начиналась сырость, но не такая глубокая.

- Здесь можно поставить палатку, - сказал Рома.

Я огляделся.

- Слишком открыто.

- Зато не в воде.

Это был весомый аргумент.

Мы сняли рюкзаки.

На этот раз никто не сказал «давай быстро». Мы и так всё понимали. Действовали молча, почти автоматически. Достать палатку. Разложить. Дуги. Тент. Кольшки. Проверить землю. Натянуть. Закинуть вещи внутрь.

Комары напали сразу, но мы уже были похожи не на людей, а на механизмы. Махали руками, ругались, продолжали делать. Иногда Рома что-то говорил, я отвечал коротко. Ни один из нас не хотел ссориться. Усталость стала такой плотной, что даже конфликт казался лишней тратой сил.

Когда палатка была готова, мы сели рядом с ней.

Не внутри.

Просто сели на рюкзаки и несколько секунд смотрели на лес.

Комары облепили нас почти сразу. Но мы не двигались.

- Знаешь, что самое тупое? - сказал Рома.

- Что?

- Я сейчас вспоминаю воду из-под крана.

Я тихо засмеялся.

- Прямо холодную?

- Да. Чтобы открыть кран, и она просто течёт. Сколько хочешь.

- Жестоко ты.

- А ещё душ.

- Хватит.

- И сухие носки.

- Рома.

- И кровать.

- Я тебя сейчас оставлю здесь.

Он улыбнулся.

Ненадолго, но по-настоящему.

В этот момент мне стало легче. Не физически. Физически всё было так же ужасно. Но внутри появилась маленькая опора. Рома рядом. Он тоже устал, тоже хочет домой, тоже боится, но он рядом. Иногда дружба в таких местах - это не громкие обещания и не красивые слова. Это просто человек, который сидит рядом в грязи и говорит про сухие носки, чтобы ты не думал о худшем.

- Дим, - сказал он уже серьезнее.

- А?

- Мы же выйдем?

Я посмотрел на лес.

Такой вопрос нельзя задавать в походе просто так. Он всегда больше, чем кажется. В нём не только маршрут. В нём страх, усталость, сомнение, просьба не оставить человека один на один с мыслями.

- Выйдем, - сказал я.

- Ты уверен?

Я посмотрел на него.

- Нет.

Он кивнул.

Странно, но честность помогла больше, чем уверенность.

- Но мы всё равно пойдём, - добавил я.

- Это да.

Мы ещё немного посидели, потом всё-таки залезли в палатку. Ужин был скудным. Есть хотелось, но без воды еда шла тяжело. Каждый кусок приходилось долго жевать, а потом с трудом проглатывать. Мы сделали по маленькому глотку мутной воды из бутылки. Рома снова поморщился.

- Не привыкаю, - сказал он.

- И не надо.

- Думаешь, завтра найдём нормальную?

- Должны.

- Ты опять это слово.

- Какое?

- «Должны».

Я пожал плечами.

- Другого нет.

Он лёг на бок и закрыл глаза.

Снаружи темнело. Палатка постепенно наполнялась серым сумраком. Звуки леса становились глубже. Днём он шуршал, звенел, хлюпал, раздражал. Ночью лес слушал.

И это было хуже.

Я лежал и пытался не думать о воде. Потом - о собаке. Потом - о царапинах на дереве. Потом - о том, что мы, возможно, ходим кругами. Потом - о том, что Рома спросил: «Мы же выйдем?» - и я впервые не смог ответить уверенно даже самому себе.

Где-то за палаткой хрустнула ветка.

Рома открыл глаза.

- Слышал?

- Да.

Мы замерли.

Хруст повторился. Потом послышалось тихое шуршание, будто кто-то двигался по траве. Медленно. Осторожно. Не как крупный зверь, который ломает ветки и идёт напролом. Скорее как кто-то, кто не хочет, чтобы его услышали.

Я почувствовал, как напряглись плечи.

- Может, ёж, - прошептал Рома.

- Очень большой ёж.

- Кабан?

- Не знаю.

Шорох стал ближе.

Потом стих.

Тишина растянулась.

Я уже почти убедил себя, что всё закончилось, когда снаружи раздался звук, от которого по спине прошёл холод.

Не вой.

Не рычание.

Короткий, глухой собачий выдох.

Будто собака стояла совсем рядом с палаткой и резко выпустила воздух через нос.

Рома медленно повернул голову ко мне.

В темноте я не видел его лица, но знал, что он смотрит широко открытыми глазами.

- Дим, - прошептал он.

- Тихо.

Мы не двигались.

Снаружи кто-то сделал шаг.

Потом ещё один.

Я слышал, как мокрая трава чуть приминается под весом. Сердце стучало так громко, что казалось, его слышно снаружи. Мне хотелось расстегнуть палатку и посмотреть. Хотелось убедиться, что там обычная собака. Или лиса. Или вообще ничего.

Но я не мог.

Иногда страшнее всего не увидеть опасность.

А увидеть и понять, что объяснение не подходит.

Шаги медленно обошли палатку сбоку.

Потом остановились у входа.

Мы с Ромой лежали не дыша.

Прошла секунда.

Другая.

Третья.

Снаружи ткань палатки чуть прогнулась внутрь.

Не сильно. Едва заметно.

Будто кто-то коснулся её носом.

И сразу отпустил.

Рома сжал кулак так, что хрустнули пальцы.

Я хотел сказать ему, чтобы он не шевелился, но язык не слушался.

Потом шаги отошли.

Медленно.

Без спешки.

Они удалялись в сторону леса, пока совсем не растворились в темноте.

Мы молчали ещё долго.

Может быть, минуту.

Может быть, десять.

В таких моментах время перестаёт быть человеческим.

Наконец Рома прошептал:

- Это была та собака?

Я закрыл глаза.

Передо мной снова возник первый день. Тропа. Лес. Собака, которая не лаяла. Её взгляд. Наше решение свернуть в болото.

- Не знаю, - сказал я.

- Она не могла идти за нами три дня.

- Не могла.

Я сказал это слишком быстро.

Рома понял.

- Но ты сам не веришь.

Я не ответил.

Снаружи снова зазвенели комары. Обычный, мерзкий, почти родной звук. Но теперь он не успокаивал. Он казался фоном, за которым лес прятал что-то ещё.

Мы легли, но не спали.

Я смотрел в темноту и думал о том, что собака не обязана была быть той самой. В лесу могли быть животные. Могли быть звуки, похожие на дыхание. Ветка могла коснуться палатки. Усталость могла дорисовать всё остальное.

Это было разумное объяснение.

Правильное.

Почти убедительное.

Но утром, когда мы выбрались наружу, у входа в палатку на влажной земле был след.

Один.

Расплывшийся, нечёткий.

Похожий на собачий.

Он был направлен не к лесу.

А к нам.

Глава 7. След у входа

Утром мы долго смотрели на этот след.

Он был неглубокий, расплывшийся, почти стёртый влажной землёй. Если бы я увидел его в другой день, в другом месте, я бы даже не остановился. Просто след. Может быть, собака. Может быть, лиса. Может быть, вообще случайная ямка в грязи, которую мозг сам превратил во что-то знакомое.

Но он был слишком близко к палатке.

Прямо у входа.

И направлен так, будто тот, кто оставил его, стоял лицом к нам.

Рома присел рядом и несколько секунд молчал. Потом провёл пальцем по земле, но почти сразу убрал руку.

- Сырой, - сказал он.

- След?

- Земля.

Он сказал это раздражённо, будто я задал глупый вопрос. Но я понял: он просто не хотел продолжать.

Нам обоим не хотелось.

Пока мы смотрели на след, он был чем-то настоящим. Доказательством. Неясным, слабым, но всё же доказательством того, что ночью возле палатки кто-то был. Стоило начать обсуждать это вслух - пришлось бы решать, что с этим делать.

А делать было нечего.

Нельзя было вызвать помощь: связи почти не было.

Нельзя было повернуть назад: мы уже не были уверены, где «назад».

Нельзя было остаться на месте: вода кончалась, комары не давали отдыха, а лес будто сжимался вокруг.

Оставалось только идти.

- Собираемся, - сказал Рома.

Я кивнул.

Мы больше не говорили о следе.

Палатку собрали быстро, почти грубо. Ткань была влажной, колышки грязными, руки искусанными. Я несколько раз ловил себя на том, что оглядываюсь в лес. Не специально. Просто взгляд сам уходил между деревьев, туда, где ещё стояла утренняя тень.

Ничего там не было.

И всё равно казалось, что кто-то смотрит.

Рома заметил это.

- Не начинай, - сказал он.

- Я ничего не сказал.

- Вот и не говори.

Он затянул ремень рюкзака сильнее, чем нужно, и поморщился.

- Если мы сейчас начнём думать, что за нами что-то ходит, мы сами себя добьём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.